

В голове у Цзян Ехуна загудело. Перед глазами на миг вспыхнули обрывки видений: вот он, в стельку пьяный, прижимает Жун Жо к постели, руки так и гуляют, где не положено. Тот жалобно молит остановиться, но он, сущий разбойник, и слушать не желает — хватает парня за щиколотку, тянет назад, рвёт одежду... Творит такое, что и скотине не пристало. В прошлой жизни Цзян Ехун был одержим лишь боевыми искусствами. Встречались, конечно, девицы, заставлявшие сердце биться чаще, но мимолётные встречи быстро стирались из памяти. У него и в мыслях никогда не было вожелеть мужчину, а тут, стоило переродиться, как он превратился в этакое чудовище.

Жун Жо, видя, как Ехун остолбенел, опустил взгляд и боком стал пробираться к краю кровати.

Придя в себя, Ехун почувствовал, как лицо заливают краска — казалось, кожа сейчас затрещит от жара.

— Я... я... раз уж сделал, в кусты не полезу. Я за свои поступки отвечаю. Я... я на тебе женюсь. Буду нести за тебя ответственность.

Жун Жо изумлённо замер и неловко склонил голову:

— Господин Чу, но я ведь мужчина...

— И что с того, что мужчина? Я не стану... отпираться. Но вчера вечером... я правда...

— Глава! Глава Чу, вы дома?! — зычно проорал Чжао Чэнь с улицы.

Ехун с досадой взъерошил волосы и пошёл открывать:

— Что ты раскричался с самого утра?

Лао Чжао явно не ожидал увидеть командира в таком раздражении. Чу Фэй редко позволял себе валяться в постели до полудня.

— Глава Чу, дело дрянь!

Ехуну это «дело дрянь» уже оскомину набило.

— Ну, что там опять не так?

Чжао Чэнь проследил взглядом за вышедшим из комнаты Жун Жо и так и застыл с открытым ртом.

— Да что ты на него уставился? — прикрикнул Ехун. — Говори толком, что стряслось.

— В доме Лу беда, — спохватился Чжао Чэнь. — Госпожа Лу... она превратилась в сухую мумию. Горничная, что прибежала доносить, от страха слова вымолвить не может, только мычит.

Ехун быстро накинул верхнюю одежду:

— Идём, нужно взглянуть.

— Я с вами, — подал голос Жун Жо.

Ехун мельком взглянул на его бледное, точёное лицо и снова покраснел:

— Тогда вместе. Живее.

***

В поместье Лу слуги столпились во дворе, на лицах — неприкрытый ужас. Шутка ли: живой человек за одну ночь превратился в иссохший остов.

Цзян Ехун вошёл в покои Янь Юй. На полу лежала мумия, облачённая в её одежды. Волосы трупа стали белыми как снег. За долгие годы скитаний по Поднебесной Ехун повидал всякое, но с подобным столкнулся впервые. Впрочем, до него доходили слухи о шаманских чарах, способных вытянуть из человека все жизненные соки до последней капли. Уж не здесь ли приложили руку колдуны?

Жун Жо подошёл к туалетному столику.

— Господин Чу, посмотрите. Тут письмо.

Ехун взял бумагу. Это было признание Янь Юй. Она писала, что на самом деле её зовут Гао Юйянь. Десять лет назад из-за стычки с прислужником Ли Фугуя у реки все три сестры одна за другой упали в воду. Когда она пришла в себя ниже по течению, память её была пуста. Ей пришлось зарабатывать на хлеб уличными представлениями, пока случай не вернул ей воспоминания. Увы, к тому времени вся её семья погибла в огне, а сама она по иронии судьбы стала женой Лу Чана. Однажды тот, перебрав хмельного, выложил ей правду: как захватывал имущество Гао, как убивал и поджигал.

В ярости Гао Юйянь купила на призрачном рынке за баснословные деньги яд из Мяоцзяна. В тот день, когда Лу Чан и Ли Фугуй пили вместе, она спрятала отраву в свитке с «Летающими небожительницами» и покончила с Ли Фугуем.

Позже, под предлогом подношения вина, она подпоила Лу Чана ядовитыми личинками. Поквитавшись с обоими, она тем же способом убрала Лю Юаня, решившего одолжить картину. Смерть этих троих неизбежно вела к похоронам в деревне Девяти Семей. Там она, сговорившись с Гао Ли, разыграла спектакль с пожарами в поминальном зале и храме предков, чтобы посеять панику и добраться до Ло Чуньчжи и Чжоу Чжаотана.

Ехун сложил письмо и протянул его Чжао Чэню:

— Написано всё чётко и по делу. Бери бумагу, дуй в тюрьму к Гао Ли и проверь, так ли всё было.

— Сделаю, — кивнул Лао Чжао. — Но если госпожа Лу и есть вторая дочь Гао, то кто же тогда она теперь...

Ехун присел перед телом:

— В письме сказано: мяоский лекарь, продавший ей яд, владел чёрным искусством. Он обучил её заклятию, позволяющему подчинять людей. Вот почему те трое, зная об опасности картины, всё равно жаждали её увидеть — госпожа Лу просто дёргала их за ниточки. Звучит складно, но всё же...

— Значит, она стала такой из-за отката тёмной магии? — рассуждал Чжао Чэнь, перечитывая строки. — Ну и чертовщина. Столица об этом деле ещё лет десять судачить будет.

Ехун хмурился. Вопросов меньше не стало.

— Не всё сходится. Ли Фугуй и остальные во время того жертвоприношения подменили своих близких чужими людьми. Если Гао Юйянь говорит правду, то кого же тогда на самом деле отправили на алтарь десять лет назад? И куда делся тот нефритовый цилинь?

— В письме упоминается, — вставил Чжао Чэнь, — что цилинь был при ней, но потерялся во время свалки у реки. Может, тот слуга его и подобрал. Мой учитель когда-то наводил о нём справки: после исчезновения сестёр Гао парень как в воду канул. С такой драгоценностью в руках он мог скрыться на краю света и жить припеваючи под другим именем.

— Верно, за десять лет человек мог сто раз сменить обличье. Ладно, сначала допроси Гао Ли. И пусть люди поищут следы того слуги.

— Будет исполнено.

Жун Жо в комнату не входил, лишь осторожно заглядывал из-за косяка. Иссохшая плоть Гао Юйянь и впрямь была зрелищем не из приятных. Цзян Ехун прежде думал, что этому юноше всё нипочём, а он, оказывается, боится мертвецов.

— Испугался?

Жун Жо вцепился в дверную раму, точь-в-точь как робкий кролик:

— Впервые такое вижу...

Ехун вышел в коридор:

— Не смотри, если тошно. Дело запуталось ещё сильнее.

Жун Жо поспешил за ним, явно не желая оставаться в этом доме ни секундой дольше.

— Господин Чу, а как же картина? Если сестры Гао пропали тогда, как Го Цзыкуан мог запечатлеть их в небесном полете?

Ехун поскрёб затылок:

— Твоя правда. Не вызывать же великого мастера с того света для допроса.

— Господин Чу, — Жун Жо на миг задумался, — у меня есть смелое предположение. Что, если это было марево? Фата-моргана?

— Марево? — удивился Ехун.

Жун Жо воодушевился:

— Да. Деревня Девяти Семей расположена в низине, там вечные туманы. В книгах пишут, что в тех краях горы часто являют чудеса: то пахарей на полях, то ссорящихся супругов. Возможно, Го Цзыкуан увидел призрачный оттиск прошлого — тот самый миг, когда сестры ещё не исчезли.

Ехуну идея показалась чересчур дерзкой:

— Но Го Цзыкуан писал картину уже после их исчезновения. Неужели марево может так запоздать?

Жун Жо мягко улыбнулся:

— Помните, что говорили о картине. Он написал её после пропажи сестёр, но когда именно он увидел это зрелище?

Юноша попал в самую точку. Цзян Ехуна будто озарило.

— Верно! Одно дело — когда видел, другое — когда рисовал. Как я сам не догадался? Значит, «Летающие небожительницы» — это всего лишь запечатлённый мираж. Но что с Мочжу-кэ? Гао Юйянь о нём в письме ни слова не обронила.

— Тут придётся трясти Гао Ли, — Жун Жо понизил голос. — Господин Чу, что до той подмены на алтаре... Думаю, нам стоит ещё раз навестить госпожу Лю.

— Это ещё зачем?

Жун Жо давно подметил странности в поведении Жуань Цин.

— Госпожа Лу была Гао Юйянь, и, упоминая мужа, она никогда не звала его «супругом» — только по имени. А госпожа Лю, хоть и зовёт Лю Юаня мужем, веет от неё могильным холодом. Говорят, они были парой — загляденье, но почему после его смерти она так пугающе спокойна?

Ехун презрительно хмыкнул:

— Да этот Лю Юань был тем ещё святошей на людях. О его похождениях по весёлым кварталам не знал только ленивый. Так что холодность вдовы вполне объяснима.

— Оно так, — Жун Жо едва заметно прикусил губу, будто боялся расстроить Ехуна своим упрямством. — И всё же мне кажется, она что-то не договаривает...

— Говори всё, что думаешь, — мягко перебил его Ехун, заметив его нерешительность. — Не нужно передо мной на цыпочках ходить. Если считаешь, что госпожа Лю мутит воду — значит, проверим её.

Жун Жо поднял на него сияющий взгляд и светло улыбнулся:

— Спасибо вам, господин Чу.

Ехун не удержался и ласково взъерошил волосы на макушке парня.

— Идём, в дом Лю.

Стоило ему коснуться мягких прядей, как Цзян Ехун внутренне похолодел: что он творит?! Зачем лезет распускать руки? Но волосы у Жун Жо оказались такими нежными — никакой шёлк не сравнится. Ехун крепко сжал кулаки, пытаясь избавиться от навязчивого ощущения

тепла, оставшегося на ладони.

Жун Жо послушно шагал рядом. Заметив, что Ехун идёт как-то странно, он любопытствовал:

— Господин Чу, вам нездоровится?

Ехун замер:

— С чего ты взял?

Жун Жо лишь прикрыл рот ладонью, усмехнувшись.

Проходивший мимо мальчишка звонко расхохотался:

— Мама, мама, посмотри! Почему этот дядя идёт как деревянный человечек? У него рука и нога вместе дёргаются! Он сломался?

Ехун вспыхнул до корней волос. Когда он нервничал, то начинал не только заикаться, но и шагать иноходью. Он поспешно скрестил руки на груди, пытаясь выправить походку, но от этого стал выглядеть ещё нелепее.

Наконец они добрались до дома Лю Юаня. Жуань Цин, как и прежде, читала сутры. Казалось, она знала, что Ехун вернётся.

Женщина была пугающе безмятежна. Она достала из внутренней комнаты небольшую шкатулку. Стоило Ехуну открыть её, как в нос ударил резкий, одуряющий аромат благовоний «Опора грёз». Голова мгновенно пошла кругом. Жун Жо подхватил Ехуна под локоть и поспешно захлопнул крышку.

Внутри ровными рядами лежали прозрачные, размером с ноготь, личинки. От одного их вида кожа пошла мурашками. Ехун тряхнул головой, прогоняя дурноту, и в упор посмотрел на вдову:

— Госпожа Лю, что это значит?

Жуань Цин медленно сняла с запястья чётки и положила их на стол:

— Я слышала о том, что случилось с госпожой Лу. Теперь и мне скрывать нечего. Это я от имени Лю Юаня выпросила у неё ту картину. И это я нанесла на холст яд.

Ехун ошарашенно переглянулся с Жун Жо.

— Но ведь в предсмертном письме госпожи Лу сказано...

Жуань Цин горько усмехнулась:

— Нет, это была я. Мы встретились на призрачном рынке, и тех личинок дала ей я. Дела Лу Чана шли из рук вон плохо, откуда бы у простой женщины взялись деньги на столь редкую отраву из Мяоцзяна?

<http://bllate.org/book/17428/1659458>